

Владислав Юрьевич Дорофеев

Рука Бродского



Владислав Дорофеев

Рука Бродского

«Автор»

Дорофеев В. Ю.

Рука Бродского / В. Ю. Дорофеев — «Автор»,

«Рука Бродского» – это, по сути, личные впечатления и оценка творчества Бродского, какие-то возникающие аллюзии, в связи с судьбой Бродского и судьбой страны, и героя.

© Дорофеев В. Ю.

© Автор

Владислав Дорофеев Рука Бродского

Лежу на полу в пыльной, засанной, грязной квартире моего умирающего отца, окруженный маревом комаров. И пишу о Бродском, о моих отношениях с этим последним русскоязычным поэтом двадцатого века, поддержавшим мировое имя русской словесности.

Тюмень. Обломок бывшей империи. Кругом разруха и пошлость, скудоумие и интеллектуальная неврастения. Этот город для зимы. Во все остальное время года – здесь нелепо, некрасиво, жалко. Здесь невозможны вкус, изысканность и изощренность, здесь – грубость и простота нравов, первозданность эмоций и реакций.

Тюмень и Бродский. Россия и Бродский – они для меня связаны в единый мотив. Мотив творчества. Этот мотив требует от меня нового пути и нового героя, и нового качества, которого недостает миру России и миру Бродского. А соединены они и совпадают в своем устремлении к свету только во мне.

Из дневника: «*Читал десятимесячной дочери Вере (29 марта, 1998 г.) стихи Иосифа Бродского. Он, конечно, великий поэт. Но спас ли он свою душу этим?! Вопрос еще тот. Хотя Вере понравились стихи Бродского. Чем?*»

Иосиф Бродский – русскоязычный поэт и литератор; похоронен за рубежом (род. в 1940 г.); в конце жизни перешел на английский; и как поэт благополучно умер еще до физической смерти.

Он попытался сидеть на двух стульях – ни на одном не усидел, стулья разъехались. Стихи, написанные Бродским в эмиграции, лишены ясности, стройности и гармонии, что обязательно наличествовало в русский период творчества.

Бродский бежал из России от православия. Первым делом метафизически, – отправить следом физическое тело поэта было делом техническим. Ибо нетерпим ему воздух православия, с его католической духовностью и внешними мирскими несвободами.

Бродский так и остался маленьким мальчиком, и еще и недоучкой. Ему не достало мужества выдержать аскетический напор России, потому он не сумел понять нелицеприятной и мужественной красоты ее. Он уехал не вперед, а назад, в историю, он там и остался в мыслях, в чувствах человека эпохи западного Возрождения.

Увы! Он думал, что эпоха западноевропейского Возрождения – это и есть расцвет человека. А вот тут сыграла с ним злую шутку его самообразованность, почти дремучесть философская и духовная.

Отказавшись от внутренних поисков России Бродский не понял, что западноевропейское Возрождение – это закат человека духовного, а провозглашение абсолютной светской самооценности человеческого гражданина – это начало упадка мысли и чувства, что в конечном итоге завело человечество в – так ненавидимый Бродским – капитализм.

Бродский для русской словесности – это упадничество, это – вовсе не движение вперед и не развитие. Потому что новой словесности нет без новой мысли, новой идеи, а Бродский – это воплощение старой, уже давно пережитой западноевропейской идеи – абсолютной человеческой свободы. И потому он смотрится столь необычно в России. Ну, это – как негр где-нибудь в тайге, на оленях, в мороз. Экзотика. Но не тенденция.

Бродский – это как Петрарка, который писал бы в двадцатом веке, а не своем четырнадцатом.

Т.е., если бы Бродский писал на итальянском, он был обычным рядовым поэтом.

Ну, и, конечно, лавры изгнанника, мученика режима, еврейский прононс. И все.

Мне его жалко. И немного смешно по поводу своего бывшего внутреннего пиетета и даже почти сакрального страха перед именем Бродского. А ведь в сущности страх был напрасен, был хоть и приятной, а слабостью.

Но все равно добрая ему память. Бродский сумел быть последовательным русским Петраркой. Бродский – экзотический амулет русской словесности. Бродский нужен был русской словесности – он ничего ей не добавил – он нужен прежде всего западноевропейской словесности для распознавания русской мысли, русской образности, русской чувственности.

Потому что Бродский – это эхо русской словесности. Хотя и очень точное эхо.

Бродский превратил свою поэзию в сортир. Поэтический метод Бродского напоминает пылесос. Он всасывает лишь то, что всасывается, то есть лишь материальный мир – объект изучения поэзии Бродского. Виртуального, нематериального, метафизического мира поэзия Бродского не замечает. Бродский хорош тем, что он очень понятен и приятен. Но русская поэзия никогда не была приятной. У приятной стороны русской поэзии есть иные названия – частушки, гимны.

Основная ошибка Бродского, предопределившая его путь и судьбу, – впрочем, как и многих, вполне добропорядочных и светски умных людей, – он хотел, и видимо вполне искренне, помочь русской словесности в обретении западноевропейских ценностей.

К тому же Бродский не понимал и не понял, что европейский мир, точнее, христианский мир – это единый процесс, в котором с одной целью, но под разными формами действуют разные участники – разные люди: западноевропейский человек и восточноевропейский человек – католический (позже и протестантский) человек и православный человек.

В десятом-четырнадцатом веках европейский человек разделился по формальному признаку: западный человек пошел по пути мирскому/физическому – светскому пути, восточный – по пути церковному/метафизическому, по пути святости.

Среди первых идеологов западного пути в европейской поэзии были Петрарка и Данте. Потому-то Бродский и пришел в Венецию. Потому как не Россия была его вдохновляющим началом, – хотя у него есть, написанные еще в российскую бытность, настоящие великие стихи, воспаряющие к божественной гармонии, – а Венеция и Флоренция – родина Данте и Петрарки.

Среди первых идеологов восточного, уже русского пути, в искусстве был Андрей Рублев. Комментарии излишни.

Трагедия Бродского в том, что он остался неприкаянным и по большому счету никому не нужным – от гениальности отказался во славу эгоистических устремлений, внешних пристрастий и внешнего комфорта, внешней свободы. Выбрав внешнюю свободу – потерял и всякую надежду на внутреннюю свободу.

И напрасно Бродский, будучи уже за границей России, называл себя русским поэтом; да – он был таковым, но он перестал быть им с того момента, как он впервые недостаточно почтительно, излишне вольно отозвался о православии, то есть о природе русской духовности.

И тотчас он перестал быть русским поэтом, а стал каким угодно поэтом, пишущим на русском языке. Например, итальянским, пишущим по-русски.

В этом смысле он очень точно обозвал свой первый заграничный стихотворный сборник – «Часть речи»; русские слова растворились в пространстве, окружившем Бродского, оказавшегося вне времени; остались лишь русские звуки, что лишь – часть речи. И все.

Бродский превращается в жалкого самонадеянного фигляра. Ибо культура, так называемая культура, – ничто, или, что точнее, культура вне духовности, т. е. веры, – это саморазрушающая стихия.

А именно такова поэзия Бродского; точнее, таков поэт Бродский в своем осознании и формулировании своих внутренних задач.

Спасение людей масштаба Бродского – в масштабе их таланта; поэзия этих людей, слово, к которому они прикасаются по милости Божьей, – оказываются сильнее, значительнее и возвышеннее их собственной личности.

Смотрел и слушал по телевизору последние разговоры с Бродским (какое неприятное, злое лицо, лишенное признаков человечности и жалости, и милости к людям), который будучи в Венеции, говорил и ходил перед камерой и перед двумя, искренне влюбленными в него русскими журналистами. Много упражнялся о России и православии. Лучше бы он этого не делал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.